

мере помогала работа. Было два крупных проекта, над которыми он работал в эти годы: социально-утопические легенды и книга воспоминаний. Огромную помощь в реализации этих проектов оказала Татьяна Григорьевна Иванова. Сейчас, вспоминая Кирилла Васильевича, мне хотелось бы от лица всех тех, в чьей научной биографии принял участие Кирилл Васильевич, поблагодарить Татьяну Григорьевну за эту помощь.

Накануне Нового года по телевизору показали фильм Куросавы «Еще нет». Герой фильма вдруг напомнил мне Кирилла Васильевича. Конечно, Кирилл Васильевич не совершал таких чудачеств, как профессор Учидо, но его взгляды на жизнь, отношения с людьми некоторым, наверное, могли показаться чужаковатыми, старомодными... Я думаю, многие из нас могли бы повторить в отношении Кирилла Васильевича слова учеников профессора Учидо: «Наш профессор из чистого золота, золота высшей пробы...»

У Кирилла Васильевича были удивительно добрые глаза, особенное рукопожатие: мягкое, сердечное. Всякий, кому приходилось бывать в квартире Чистовых, ощущал это душевное тепло. Вместе с хозяином выходил встречать гостей белый ангорский кот Горбик, который неизменно становился участником бесед. Как-то раз Кирилл Васильевич рассказал мне историю с имянаречением Горбика. Когда принесли котенка, у него на лбу было темное пятно, как у М.С. Горбачева. И в шутку кота называли Горбик. Спустя некоторое время пятно мистическим образом исчезло, по времени это совпало с распадом СССР и упразднением поста президента СССР.

Кирилл Васильевич был человек нерелигиозный, но в нем была особая совестливость, свойственная не многим религиозным людям. Его рассказы о своей жизни невольно заставляли меня пристальней посмотреть на свою жизнь: всё ли я делаю правильно. Я начинал перебирать свои поступки, думать, а как бы в том или ином случае поступил Кирилл Васильевич, что бы он сказал о том или ином поступке. Собственно, и сейчас всякий раз, вспоминая Кирилла Васильевича, я переживаю то же самое...

В заключение мне хотелось бы привести слова Г. Гессе, сказанные в отношении Роберта Вальзера: «Если бы у Вальзера было сто тысяч читателей, мир стал бы лучше». Мне хотелось бы немного перефразировать это высказывание: если бы людей, которые близко знали Кирилла Васильевича, было бы на сто тысяч больше, мир стал бы немного лучше.

Примечания

¹ Н.Д. Конаков — заведующий отделом этнографии КНЦ УРО РАН в 1980—1990-е гг.

² Чистов К.В., Чувьоров А.А. Список «Путешественника» из Рязанской губернии // Старообрядчество в России (XVIII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 251—256.

Т.Б. ЩЕПАНСКАЯ

В ЖИЗНИ И ПАМЯТИ

Утро. МАЭ РАН. Вахта, зеркало, доска объявлений, цветы. «Кирилл Васильевич?..» Кирилл Васильевич. Двадцать семь лет моей жизни, определивших, собственно, ее суть.

Студенткой я слушаю курс «Введение в фольклористику», который К.В. Чистов читает нам на кафедре этнографии в университете. В 1980-м (я на 4-м курсе) он становится моим научным руководителем. Под его руководством пишу и дипломную работу (называлась она «Культ медведя у восточных славян» — за точность формулировки, правда, по прошествии лет не ручаюсь). Я там выстраивала какие-то даже графики — Кирилл Васильевич заинтересовался и предложил поступать в аспирантуру в Институт этнографии, где он тогда возглавлял сектор этнографии восточных славян.

Трудно писать, трудно выбрать, о чем писать, если целая жизнь прошла в постоянном диалоге: длительных, громких, яростных порою спорах или в мысленном проигрывании аргументов и контраргументов, продумывании доказательств, которые бы убедили учителя. Сколько-нибудь аналитически подытожить эти 27 лет я пока не могу: всё, что было сказано, продумано и написано в процессе нашего диалога, пока живет, это никак не вычленишь из моего по-прежнему актуального и дрящегося жизненного потока. Как это начиналось? Чему я училась, чем жила в те годы, когда, собственно, и признала в К.В. того, за кем не зазорно идти и у кого стоит учиться? Сохранились дневниковые записи (было несколько коротких периодов, когда я принималась вести дневник — один из них как раз в первый мой год в аспирантуре). Может быть, по отрывочным записям можно составить теперь хоть какое-то представление о том, как она возникала — эта скрытая обычно в повседневности линия передачи научной традиции. Не только знание: я открывала для себя что-то еще, не менее значимое.

Вот мы стоим на галерее Кунсткамеры, обсуждаем мою диссертационную тему. В секторе тогда разрабатывали тему по свадьбе, и К.В. предложил мне писать по южнорусскому свадебному обряду; я заартачилась, хотела про магию (многие в молодости хотят про магию). Спорили долго, пришли к теме ритуальных практик, связанных с неземледельческими занятиями. К этой теме я возвращаюсь до сих пор — и в связи с неоседлостью

(мастера-неземледельцы часто оказывались переходными), и в связи с исследованиями маскулинности, и в контексте антропологии власти.

Это был период, когда жизнь моя круто менялась. Главное ощущение — ненадежности и неукорененности в новой для меня научной среде. Хотелось самоутвердиться, прежде всего перед научным руководителем, показать, что не зря я здесь протираю штаны.

Каждый разговор с К.В. — событие. Записи в дневнике: «Надо работать и всё направить на работу». Снова и снова возвращаясь к разговору, месяцами могла продумывать аргументы, ответы на поставленные Кириллом Васильевичем вопросы. После каждого разговора — ощущение стыда (как я невнимательно подошла к поиску доказательств, как поверхностно!), снова в библиотеку, читать, читать, анализировать, добывать материал. Перед каждой встречей, отчетом о проделанной работе — волнение: «Ну всё, рассердится, выгонит». Потому что упрямо делала всё по-своему, а потом старалась доказать, что надо именно так! Кирилл Васильевич не отвергал, а выдвигал контраргументы, и мы спорили до тех пор, пока я не излагала (с жаром, обидами, возбуждением!) все соображения, которые могла привести «за». Кирилл Васильевич тоже включался и начинал развивать тему, сразу же рекомендовал литературу (у него, казалось, всегда наготове несколько названий на любую тему). Надо сказать, я до сих пор считаю, что его стиль руководства — идеальный для научной деятельности и научной среды. «Главная функция руководителя — не мешать работать». Не мешать! Да он оказывал неоценимую помощь — и как незаменимый партнер по научному диалогу, где ты мог отточить свои аргументы и почувствовать шаткость тех, что были недостаточно продуманны, и как замечательный организатор, и просто как человек, который очень многих знал в научном сообществе, а для меня было важным еще и то, что он хорошо ориентировался в обычаях этого сообщества и мог ненавязчиво поправить, когда мое поведение слишком уже с ними контрастировало. Многому тогда приходилось учиться — я не была девочкой из научной среды, нужно было осваивать порой не только литературу по специальности, но и правила повседневной коммуникации. В моем дневнике сохранился такой эпизод. При встрече Кирилл Васильевич всег-

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА ЩЕПАНСКАЯ, канд. ист. наук; Санкт-Петербургский гос. ун-т

да протягивал руку для рукопожатия. Здесь, в Академии наук, жест рукопожатия не был прерогативой мужчин, а означал признание сопринадлежности к кругу коллег. «А я всё еще стесняюсь здороваться за руку (потому что боюсь, что рука у меня вдруг влажная). И даю вялую руку...» Это было как раз перед экспедицией, я ждала, когда закончится чья-то защита и К.В. подпишет мои бумаги. «Стал прощаться, опять протянул руку. Я — опять то же самое. И вдруг он так прямо и говорит: "За время учебы в аспирантуре я должен вас научить здороваться: руку надо давать твердую, а у вас она вялая", — ну что-то вроде этого. А мне стало не стыдно и не обидно, а смешно. Говорю: "Это оттого, что я вас боюсь". — "Вы меня боитесь? Я вроде бы никого еще не съел"». Конечно, я была в его глазах дичащейся хипповатой девчонкой, порой самоуверенной и несдержанной, но Кирилл Васильевич, тогда только что избранный членом-корреспондентом Академии наук, заведующий сектором и т.д., не снисходил ко мне, а подавал руку, чтобы помочь войти в профессию.

Кирилл Васильевич всегда был необыкновенно открыт, готов к общению, к нему можно было подойти с любой проблемой — но в то же время совершенно ясно было, что нельзя его вниманием злоупотреблять. Идти к научному руководителю только с тем, что действительно относится к делу, что уже продумано, — да я каждый раз готовилась к разговору с ним, как будто к защите диссертации.

Первые экспедиции. Конечно, студенткой я ездила со всеми на практику — у нас были экспедиции в Мордовию, к хантам в Западную Сибирь, в Горную Шорию. Но теперь другое: теперь я должна собрать *полевой материал* для написания диссертации, сама продумав программу — теперь работа. Кирилл Васильевич предлагает поехать в Полесье с экспедицией Н.И. Толстого. Вероятно, чтобы я прошла еще и их школу полевой работы, отличную от той, что сложилась у нас на кафедре, прежде всего весомым фольклористическим и лингвистическим компонентом. Потом это очень пригодилось. Кирилл Васильевич договорился с принимающей, так сказать, стороной, и меня определили в один из отрядов Полесской экспедиции, отправлявшийся в Гомельскую, а потом в Брянскую область. Никита Ильич ехал не с нами, но помню, как он провожал наш отряд на перроне в Москве. В этой экспедиции мне посчастливилось поработать с такими замечательными людьми, как Л.М. Ивлева, О.А. Терновская, А.Л. Топорков, Л.Н. Виноградова, Т.В. Рождественская, и другими, теперь уже известными и

заслуженными коллегами, а тогда в основном еще начинающими исследователями. Кирилл Васильевич позаботился и об организационной стороне моей поездки (потом я уже всё делала сама, но в тот, первый раз была совершенно беспомощна). До сих пор у меня хранится записка К.В. в дирекцию — то, что сегодня называется «служебная записка». Неподражаемый стиль академического общения: написано свободно, никакой официальщины и канцелярщины — но и ни слова лишнего.

Замечательное свойство моего Кирилла Васильевича — умение оценить новое в науке, еще не утвердившееся, и рискнуть, дав этому новому «добро». Так было с моей работой о молодежной субкультуре. Тогда, в конце 1980-х, этнографическое исследование в основном ассоциировалось с поездками в деревню, сбором коллекций и записью воспоминаний старожилых, материалов по фольклору и демонологии. Я приношу статьи о молодежных тусовках, написанные по материалам включенного наблюдения (три года полевой работы). Кирилл Васильевич мало того что одобряет мои работы на заседании сектора, но и рекомендует к публикации, а затем предлагает написать и книгу. Она была опубликована тоже при его поддержке в самые провальные в экономическом отношении годы, когда на научные публикации выделялись минимальные средства, — моя книга «Символика молодежной субкультуры» вышла в издательстве «Наука» в 1993 г. Без его поддержки это было бы невозможно.

Со временем встречи становились реже, но в поворотные моменты моей профессиональной биографии я остро нуждалась в совете Кирилла Васильевича — и всегда получала совет, впоследствии оказывавшийся правильным (которому, к сожалению, я не всегда сразу следовала).

Уже в 2001 г. я попросила К.В. прочитать лекцию по современному фольклору, методике собирательской работы в этой области для моих студентов, которым читала курс «Антропология города» (я тогда преподавала на факультете социологии СПбГУ). Выезжать ему было уже трудно, и мы пришли всей группой к нему домой. Студенты расселись полукругом в просторной, похожей на библиотеку комнате. Лекцию эту бывшие студенты, когда мы с ними время от времени встречаемся, вспоминают до сих пор. В 2002 г. я пришла уже одна и записала эту лекцию на видеокамеру.

Драгоценные минуты общения. Двадцать семь лет. Жизнь оказалась ко мне необъяснимо великодушна. Но, как оказалось, этих двадцати семи лет не хватило.

ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ К.В. ЧИСТОВА

В воспоминаниях К.В. Чистова очень подробно и ярко описана его экспедиция августа 1938 г., когда он, студент Ленинградского государственного университета, в д. Климово на Купецком оз. в Пудожском р-не Карелии записал от сказителя И.Т. Фофанова более десятка первоклассных былин¹, которые в 1941 г. были опубликованы в сборнике Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова «Былины Пудожского края». Общение с талантливым сказителем и мудрым человеком сыграло в жизни будущего фольклориста, как он сам признается, важную роль. Эта встреча помогла юноше из интеллигентной городской семьи осознать, что фольклористика принадлежит к тем наукам, которые тесно связаны с широкой сферой народознания.

О другой своей экспедиции студенческих, предвоенных лет — об экспедиции августа 1939 г. в Сталинградскую, Ворошиловградскую и Ростовскую области — К.В. Чистов в мемуарах упоминает вскользь. На юг России он отправился вместе со своим старшим товарищем, аспирантом М.К. Азадовского Иваном Кравченко. «Мы с ним ездили в фольклорную экспедицию на Дон — от Цимлянской до Ростова, — пишет ученый. — Наш маршрут проходил по нижним станицам. Мне повезло, между прочим: тогда я записал одну донскую былинку. Это очень редкий случай — запись былины на юге России. Я потом написал об этом студенческую работу, но она не была опубликована: потерялась во время войны. В этой работе я предлагал называть донские былины донскими былинными песнями, потому что они не похожи на северные былины: поэтическая система совсем другая»².

Студенческая статья К.В. Чистова пропала, но материалы, записанные на Дону, сохранились. Они находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ, р. V, кол. 121), куда их определил учитель К.В. Чистова М.К. Азадовский, в предвоенные годы одновременно возглавлявший отдел фольклора в Пушкинском Доме и кафедру фольклора в ЛГУ. Коллекция содержит 287 фольклорных текстов, записанных К.В. Чистовым и И.И. Кравченко, а также полученных ими из Сталинградского музея им. И.В. Сталина и с кафедры литературы Ворошиловградского педагогического института им. Т.Г. Шевченко. Среди